

(Обнаружено в бумагах покойного Френсиса Виланда Терстона, г. Бостон)

Можно предположить, что из этих великих стихий или существ иные выжили... выжили со времен бесконечно отдаленных, когда... сознание, вероятно, проявляло себя в обличьях и формах, давным-давно отступивших перед натиском человеческой цивилизации... мимолетное воспоминание об этих формах сохранили лишь легенды да поэзия, нарекшие их богами, чудовищами, мифическими существами всех родов и видов...

Элджернон Блэквуд

I

ГЛИНЯНЫЙ УЖАС

По мне, неспособность человеческого разума соотнести между собою все, что только вмещает в себя наш мир, — это великая милость. Мы живем на безмятежном островке неведения посреди черных морей бесконечности, и дальние плаванья нам заказаны. Науки, трудясь каждая в своем направлении, до сих пор особого вреда нам не причиняли. Но в один прекрасный день разобщенные познания будут сведены воедино, и перед нами откроются такие ужасающие горизонты реальности, равно как и наше собственное страшное положение, что мы либо сойдем с ума от этого откровения, либо бежим от смертоносного света в мир и покой нового темного средневековья.

Теософы уже предугадали устрашающее величие космического цикла, в пределах которого и наш мир, и весь род человеческий — не более чем преходящая случайность. Они намекают на странных пришельцев из тьмы веков — в выражениях, от которых кровь бы застыла в жилах, когда бы не личина утешительного

оптимизма. Но не от них явился тот один-единственный отблеск запретных эпох, что леденит мне кровь наяву и сводит с ума во сне. Это мимолетное впечатление, как и все страшные намеки на правду, родилось из случайной комбинации разрозненных фрагментов — в данном случае вырезки из старой газеты и записей покойного профессора. Надеюсь, никому больше не придет в голову их сопоставить; сам я, если останусь жив, ни за что не стану сознательно восполнять звенья в столь чудовищной цепи. Думается мне, что и профессор тоже намеревался сохранить в тайне известную ему часть и непременно уничтожил бы свои заметки, если бы не внезапная смерть.

Впервые я ознакомился с ними зимой 1926/27 года: именно тогда умер мой двоюродный дед Джордж Гаммелл Эйнджелл, почетный профессор семитских языков в Брауновском университете города Провиденс, штат Род-Айленд. Профессор Эйнджелл был широко известен как видный специалист по древним надписям, к нему то и дело обращались директора крупных музеев, так что его кончина в возрасте девяноста двух лет вызвала изрядный резонанс. В местном масштабе интерес подогревался еще и тем, что причина смерти осталась невыясненной. Профессор возвращался из Ньюпорта: он сошел с корабля — и, по словам свидетелей, рухнул как подкошенный после того, как его толкнул какой-то негр, с виду моряк, что неожиданно-негаданно вынырнул из странноватого темного дворика на холме, по крутому склону которого пролегал кратчайший путь от порта до дома покойного на Уильямс-стрит. Врачи не обнаружили зримых признаков какого бы то ни было расстройства

и, посоветовавшись немного в замешательстве, заключили, что причиной трагедии послужило некое скрытое нарушение сердечной деятельности, спровоцированное быстрым подъемом в гору — в профессорские-то преклонные годы! В ту пору я не видел повода ставить диагноз под сомнение, но в последнее время я склонен задуматься на этот счет... очень серьезно задуматься.

Как наследнику и душеприказчику моего двоюродного деда — ибо он умер бездетным вдовцом, — мне полагалось сколь возможно тщательно просмотреть его архивы; с этой целью я перевез все его коробки и папки на свою бостонскую квартиру. Большую часть разобранных мною материалов со временем опубликует Американское археологическое общество, однако ж среди ящиков нашелся один, изрядно меня озадачивший: вот его-то мне особенно не хотелось показывать чужим. Ящик был заперт, ключа нигде не оказалось, но в конце концов я догадался осмотреть брелок, что профессор всегда носил в кармане. И действительно: открыть замок мне удалось, но тут передо мною воздвиглось препятствие еще более серьезное и непреодолимое. Что, ради всего святого, означали странный глиняный барельеф и разрозненные записи, наброски и газетные вырезки, мною обнаруженные? Или дед мой, на закате дней своих, стал жертвой самого банального надувательства? Я решил непременно разыскать эксцентричного скульптора, по всей видимости нарушившего душевный покой старика.

Барельеф представлял собою неровный прямоугольник площадью приблизительно пять на шесть дюймов и менее дюйма толщиной, явно современного происхождения. Но изображалось на нем нечто крайне далекое

от современности и по духу, и по замыслу; ибо хотя бесчисленны и сумасбродны причуды кубизма и футуризма, нечасто воспроизводят они таинственную упорядоченность, сокрытую в доисторических надписях. А большая часть этих узоров, вне всякого сомнения, представляла собою именно письма, хотя память моя, невзирая на близкое знакомство с бумагами и коллекциями деда, не сумела ни опознать эту разновидность, ни хотя бы намекнуть на какие-то отдаленные параллели.

Над этими несомненными иероглифами просматривалась фигура — явно изобразительного плана, хотя импрессионистский стиль исполнения не позволял распознать ее природу. Что-то вроде чудища, или символ, представляющий чудище, породить которое способна разве что больная фантазия. Я нимало не погрешу против сути этого образа, если скажу, что моему взбалмошному воображению одновременно представились осьминог, дракон и карикатура на человека. Мясистая голова с щупальцами венчала гротескное, чешуйчатое туловище с рудиментарными крыльями, но особенно жуткое впечатление производили *общие очертания* всего в целом. На заднем плане смутно проступало некое подобие циклопической кладки.

К этой диковинке, помимо подборки газетных вырезок, прилагался целый ворох свежих записей, сделанных рукою профессора Эйнджелла и не претендующих на какую бы то ни было литературность. Основной, по всей видимости, документ был озаглавлен «КУЛЬТ КТУЛХУ» — тщательно прорисованными печатными буквами, чтобы предотвратить ошибки в прочтении столь неслыханного слова. Рукопись состояла из двух частей; первая — под рубрикой «1925 — Сон и творчество

по мотивам снов Г. Э. Уилкокса, проживающего по адресу: штат Род-Айленд, г. Провиденс, Томас-стрит, д. 7», и вторая — «Рассказ инспектора Джона Р. Леграсса, проживающего по адресу: штат Луизиана, г. Новый Орлеан, Бьенвиль-стрит, д. 121; 1908 г. — заседание А. А. О. — протокол и доклад проф. Уэбба». Остальные бумаги представляли собою краткие заметки, в некоторых содержалось описание странных снов самых разных людей, тут же попадались выдержки из теософских книг и журналов (в частности, из «Истории Лемурии и Атлантиды» У. Скотта-Эллиота), а также комментарии на тему сохранившихся с давних времен тайных обществ и секретных культов, вместе со ссылками на соответствующие пассажи в таких справочных изданиях по мифологии и антропологии, как «Золотая ветвь» Фрэзера и «Культ ведьм в Западной Европе» за авторством мисс Мюррей. В газетных вырезках речь шла по большей части о странных психических расстройствах и о вспышках группового помешательства или мании весной 1925 года.

В первой части основной рукописи пересказывалась прелюбопытная история. 1 марта 1925 года к профессору Эйнджеллу явился худощавый смуглый юноша вида неврастенического и до крайности возбужденного, с необычным глиняным барельефом, на тот момент еще мягким и влажным. На визитке значилось имя: Генри Энтони Уилкокс. Дед узнал в нем младшего сына некоего уважаемого семейства, отдаленно ему знакомого. Юноша вот уже некоторое время учился в род-айлендской художественной школе на отделении скульптуры, а жил один, в здании «Флер-де-лис» неподалеку от учебного заведения. Уилкокс, многообещающий вундеркинд, славился как своим недюжинным талантом, так

и изрядной эксцентричностью и с детства удивлял окружающих диковинными историями и пересказами странных снов. Сам он говорил о своей «физической гиперсенситивности», но уважаемые жители старинного торгового города считали его просто-напросто чудаком. С людьми своего круга он никогда особенно не общался, а постепенно и вовсе выпал из светской жизни; теперь его знала разве что небольшая группка эстетов из других городов. Даже насквозь консервативный Провиденский клуб искусств убедился, что юноша безнадежен.

Что до визита, сообщалось в профессорской рукописи, скульптор нежданно-негаданно воззвал к археологическим познаниям хозяина, попросив идентифицировать иероглифы на барельефе. Изъяснялся он в этой отрезанной, напыщенной манере, что наводила на мысль о позерстве и сочувствия не пробуждала, и дед мой отвечал довольно резко, поскольку очевидная новизна глиняной таблички наводила на мысль о чем угодно, кроме археологии. Ответ молодого Уилкокса, впечатливший деда настолько, что тот запомнил и записал его дословно, был облечен в причудливо-поэтическую форму, свойственную речи юноши в целом; впоследствии я убедился, что такая манера изъясняться для него и впрямь весьма характерна. «Воистину табличка нова; я создал ее прошлой ночью, грезя о невиданных городах; а сны — древнее, чем угрюмый Тир, или задумчивый Сфинкс, или венчанный садами Вавилон».

Тут-то юноша и повел свой бессвязный рассказ, внезапно разбередив дремлющие воспоминания деда и пробудив в нем лихорадочный интерес. Накануне ночью случилось небольшое землетрясение — самое значительное в Новой Англии за последние несколько лет,

и впечатлительный Уилкоккс остро ощутил на себе его влияние. Ночью ему привиделся небывалый сон: великие города Циклопов, сплошь — исполинские глыбы и устремленные в небеса монолиты; все они сочились зеленой слизью и таили в себе неизъяснимый ужас. Стены и колонны были покрыты иероглифами, а откуда-то снизу доносился голос, что и голосом-то не назовешь: хаотическое ощущение, что преобразовать в звук способна лишь фантазия. И тем не менее юноша попытался передать его почти непроезжимым набором букв: «Ктулху фхтагн».

Эта словесная невнятица и послужила ключом к воспоминанию, что одновременно взволновало и встревожило профессора Эйнджелла. Он расспросил скульптора с дотошностью ученого — и с жадной скрупулезностью изучил барельеф. Если верить Уилкоксу, ночью, проснувшись, как от толчка, потрясенный юноша обнаружил, что работает над пресловутой глиняной табличкой — продрогший, в одной пижаме. Впоследствии Уилкоккс рассказывал, что дед списывал не иначе как на свои преклонные годы тот досадный факт, что не сразу распознал иероглифы и изображение. Многие его вопросы показались гостю в высшей степени неуместными — в особенности те, что намекали на его связь со странными культурами или обществами. Уилкоккс в упор не понимал настойчивых обещаний хранить тайну в обмен на допуск и членство в каком-то разветвленном мистическом или языческом религиозном сообществе. Когда же профессор Эйнджелл уверился, что скульптор действительно понятия не имеет ни о каком культе и ни о каком тайном знании, он засыпал гостя просьбами сообщать о своих снах и дальше. Результаты, причем на постоянной основе, не заставили себя ждать. После первой беседы

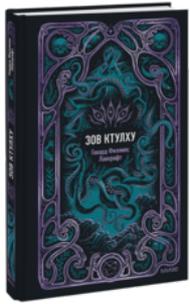
в рукописи отмечались ежедневные визиты юноши, в ходе которых он пересказывал впечатляющие фрагменты ночных видений: в них неизменно фигурировали жуткие виды исполинских городов из темного влажного камня и подземный голос или разум, размеренно подающий загадочные импульсы смысла, что в записанном виде представляли собою полную тарабарщину. Чаще всего повторялись два звука: если передать их буквосочетаниями, то получалось «Ктулху» и «Р'лех».

23 марта, как гласила рукопись, Уилкоккс не пришел на встречу. Профессор навел справки на квартире скульптора; выяснилось, что юношу поразила некая загадочная болезнь и его увезли в семейный особняк на Уотерман-стрит. Ночью он кричал во сне, перебудив еще несколько художников, проживающих в здании, а с тех пор пребывал либо в беспмятстве, либо в бреде. Дед немедленно позвонил его родственникам и отныне и впредь бдительно следил за развитием событий и то и дело захаживал в кабинет доктора Тоби на Тайер-стрит, выяснив, что пациента поручили ему. Лихорадочный разум юноши, по всей видимости, одолевали странные видения; пересказывая их, доктор то и дело вздрагивал. В них не только повторялись прежние сны, но и в общем сумбуре возникала какая-то исполинская тварь, «во много миль высотой», ковылявшая тяжело и неуклюже. Уилкоккс так и не описал это существо в подробностях, но отрывочные безумные восклицания в пересказе доктора Тоби убедили профессора, что оно, по всей видимости, тождественно безымянному чудовищу, изображенному на скульптуре из сна. Доктор добавил, что, заговорив о глиняном барельефе, юноша неизменно впадал в летаргию. Как ни странно, температура его была немногим выше обычной, но общее

состояние наводило на мысль скорее о горячке, нежели о душевном расстройстве.

2 апреля около трех часов пополудни все симптомы недуга разом исчезли. Уилкокс сел в постели, с превеликим изумлением обнаружив, что находится дома. Он понятия не имел, что происходило с ним начиная с ночи 22 марта, будь то во сне или в действительности. Врач объявил его здоровым; спустя три дня юноша вернулся к себе на квартиру, но профессору Эйнджеллу он больше ничем помочь не мог. С выздоровлением все странные видения прекратились; примерно с неделю дед выслушивал бесполезные, не относящиеся к делу пересказы самых что ни на есть обыкновенных снов, после чего записи вести перестал.

На этом заканчивалась первая часть рукописи, но ссылки на разрозненные заметки дали мне немало материала для размышлений — на самом деле так много, что мое сохранившееся недоверие к художнику объясняется разве что моей тогдашней философией, насквозь пропитанной скептицизмом. В пресловутых заметках описывались сны разных людей в течение того же периода, когда молодого Уилкокса посещали его странные химеры. Дед очень быстро, по всей видимости, создал разветвленную, обширную сеть наведения справок, охватив едва ли не всех своих друзей, которым мог задавать вопросы, не рискуя показаться дерзким: от них он требовал еженощных отчетов о снах и даты каких-либо примечательных видений за прошедшее время. На подобные просьбы люди, надо думать, реагировали по-разному, и все же при самых скромных подсчетах дед явно получал куда больше ответов, нежели удалось бы обработать без помощи секретаря. Исходная корреспонденция не сохранилась,

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

